

НИК ПЕРУМОВ

ЧЕРЕП НА РУКАВЕ

ИМПЕРИЯ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО

Империя превыше всего

Ник Перумов

Череп на рукаве

«Феникс»

2002

Перумов Н.

Череп на рукаве / Н. Перумов — «Феникс», 2002 — (Империя
превыше всего)

ISBN 978-5-222-37402-3

Руслан становится идеальным имперским солдатом. Выполняя все приказы начальства, достойно проходя сложнейшие испытания на тренировках, он продвигается по службе и неумоимо идёт к своей цели – разрушить Четвёртый Рейх. Но скоро ему предстоит столкнуться с врагом, которого ещё не знала история. Таинственные инопланетяне – биоморфы – завоёвывают одну планету за другой...

ISBN 978-5-222-37402-3

© Перумов Н., 2002

© Феникс, 2002

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Ник Перумов

Череп на рукаве

– Дерьмо ты, оказывается, – повторила Далька. Я ничего не ответил. За дюнами солнце медленно опускалось к горизонту, море потемнело, вдали, за линией рифов, уже заблестели огоньки китовых вожаков. Сегодня их ночь, мерцанием они приманивают самок, зовут предаться любви...

– Меня аж передёргивает, как подумаю, что... что с тобой спала, – услышал я. Холоду в Далькином голосе хватило бы на плавучий рыбозавод средних размеров. – Жополиз имперский. Срань помоечная. Как тебя отец из дома-то не выгнал...

Отец-то как раз и выгнал, но Далька об этом пока ещё не знала.

Зашуршал песок, и я невольно напрягся – Далька отличалась темпераментом, чего доброго, пнёт в висок, с неё станется.

Взвизгнула яростно вздёрнутая «молния». Далька лихорадочно одевалась, бормоча вполголоса такие слова, что её мама, наша, между прочим, учительница русского и литературы, точно упала бы в обморок.

– Предатель, – припечатала она напоследок.

Я молчал. Не поворачивал головы, смотрел на море.

Далеко-далеко, на самом пределе доступного взору, громадный кит выметнул из воды стотридцатитонное тело, развернул светящиеся плавники, описал плавную дугу, плюхнулся обратно, подняв облако пылающих искр. Красиво, чёрт побери. Когда ещё доведётся такое увидеть?

За спиной в отдалении взвыли турбины Далькиного вертолётa. Казалось, даже машина сыплет в мой адрес отборными ругательствами.

Пусть. Теперь уже всё равно ничего не изменишь. Бумаги поданы и подписаны, аванс получен. И даже одежда, небрежно брошенная рядом прямо на песке, – не обычные разноцветные шорты с футболкой. Пятнистый комбинезон имперского десанта. С серебристым черепом на фоне чёрного щита, красующимся на левом рукаве.

Отступать некуда, позади Москва. Хотя, конечно, с потерей Москвы не потеряна Россия, как сказал когда-то светлейший князь Смоленский Михаил Илларионович Кутузов...

Киты в море ревелись всё вольней, тёмные волны почти что пылали, освещённые их телами. Ночь любви...

Интересно, а на что рассчитывал я, когда звал Дальку на наш остров? Повалить девчонку на песке – так сказать, на прощание? Неужто я думал, что она меня поймёт? Что скажет – молодец, так и надо было?

Нет, конечно. Никогда бы Далька такого не сказала. Далька, давний член «интербригады „Бандера Росса“. Ну да, той самой, знаменитой, чьей главой была небезызвестная террористка Дариана Дарк, которую когда-то ловили чуть ли не все имперские силы безопасности...

Так что мне совершенно нечего надеяться на Далькино прощение или хотя бы понимание. В её глазах – и не только в её – ныне, присно и во веки веков я – гнусный предатель, имперский... гм, блюдолиз. Конечно, отцу никто не дерзнёт бросить такого в лицо. Дуэли не миновать, а с отцом до сих пор на рапирах никто не сравнится. Кумушки, конечно, не упустят случая пошипеть, но...

Солнце коснулось моря нижним краем диска, алые сполохи ползли вдоль вовеки недоступной черты, за которой, как я верил мальчишкой, у Солнца есть настоящий дом и жена, ждущая его каждый день с многотрудной работы.

Однако пора. Далька улетела. Теперь тут только и осталось, что наблюдать издали за китовыми любовными играми, коль скоро уж со своими ничего не получилось.

Пора, пора. Нечего расслаживаться. Мои пальцы скользнули к шее, к висевшей рядом с нательным крестом наглухо зашитой крошечной кожаной ладанке. В ней нащупался ключ. Это то, с чем я не расстанусь никогда и ни за что. Таких вещей у меня несколько. То, что связывает меня с настоящей жизнью.

Я встал, подобрал комбинезон и ботинки. Ничего не скажешь, ботинки отличные. Вроде как ничего не весят, а в драке зафигачишь – так мало не покажется. И не жмут нигде, и нога в них никогда не потеет, и не промокают они, и в огне не горят, и по любой кислоте идти в них можно. Славные ботинки. Немцы делают, на Новой Баварии, а уж в чём, в чём, а в солдатской снаряде швабы толк знают.

Мой вертолёт стоял, странно окривев и завалившись на левый бок. Я взгляделся и присвистнул. Шина прорезана – не иначе Далька постаралась. На прощание, так сказать. Ну ничего, шина – не главная турбина, дотянем и сядем...

Завтра, с зарёй, мне полагалось быть на сборном пункте. Машину оставляю в столице, кто-нибудь, отец или братья, пригонит её обратно. Мне вертолёт больше не понадобится. Как и ничто другое с гражданки. Пройдёт совсем немного времени, и эта жизнь покажется мне раем. На меня станет орать идиот фельдфебель, заставляя драить нужники зубной щёткой, или отрабатывать ружейные приёмы в три часа ночи, или полировать парадные сапоги до абсолютного блеска, проверяя люминометром их отражающую способность; болван лейтенант, желая выслужиться, на маневрах погонит нас в полное змей и прочих гадов болото, да притом ещё подставит под огонь собственной артиллерии (как всем известно, на учениях в Империи используют настоящие снаряды и патроны – кому не повезло, тому не повезло. Родные получают компенсацию). Я буду задыхаться в дурно пригнанном противогазе, блевать от тряски в железном брюхе десантного транспорта, высаживаться в охваченных мятежом городах, чтобы пройти их из конца в конец, оставляя за собой только трупы и пожары – для вящей остротки.

Я буду носить на рукаве эмблему Третьей Десантной дивизии «Totenkopf», «Мёртвая голова». Когда-то давно она именовалась 3-й танковой дивизией СС и стала недобро знаменитой именно под этой самой эмблемой: серебряный череп на чёрном геральдическом щите. И ещё – «Gott mit uns» на бляхе парадного ремня.

«Мёртвая голова» печально прославилась не только на полях сражений. Её создали в октябре 1939 года из четырёх существовавших охранных полков, что «действовали» в местах, названия которых не требовали и никогда не потребуют ни переводов, ни пояснений: полк «Oberbayern» – Дахау, «Brandenburg» – Бухенвальд, «Thuringen» – Сашенхаузен, «Ostmark» – Маутхаузен, к которым прибавился пятый полк: «Dietrich Eckhardt». Дивизию возглавил Теодор Эйке, инспектор концентрационных лагерей и охранных частей СС. Формировали её в Дахау, предварительно «очищенном» от заключённых. Боевое крещение она приняла во Франции: 16 мая 1940 года дивизию перебросили из армейского резерва для поддержки 15-го танкового корпуса генерала Гота. 21 мая под Камбрэ «Мёртвая голова» едва не стала мёртвой на самом деле – фланги «Totenkopf» и 7-й танковой дивизии оказались смяты ста тридцатью контратакующими английскими и французскими танками. Прежде чем тяжёлая артиллерия и пикирующие бомбардировщики отразили этот отчаянный натиск, многие солдаты «Мёртвой головы» бежали в панике.

...Потом они отыграются на пленных. На солдатах Королевского Норфолкского полка, захваченных после ожесточённого боя. Потеряв в том столкновении семнадцать человек убитыми, эсэсовцы осатанели. Около ста англичан, попавших в плен, были расстреляны из пулемётов по команде оберштурмфюрера СС Фрица Кнохлейна, за что тот и был в своё время повешен англичанами уже после войны.

А потом...

Потом они маршировали по Прибалтике. Я никогда не бывал на Земле, но историю тех дней проштудировал вплоть до номеров полков. 2 июля в Латвии передовой батальон «Мёрт-

вой головы» столкнулся с частями русской 42-й стрелковой дивизии. Потеряв 10 человек убитыми и больше ста ранеными, «мёртвоглавцы» отступили. И потом они сражались без всякой славы. Зимой 1942 года «Мёртвая голова» вместе с ещё пятью дивизиями попала в окружение под городом, название звучит для меня почти как музыка: Демянск. Из потерянных за время «похода на восток» двенадцати с половиной тысяч человек половина полегла под Демянском.

Потом, потом, потом... будет Курск, будет ещё много всего, будет Будапешт, будет Вена, где «Totenkopf» и закончит свой бесславный путь.

...Много, много позже, когда забубённые эти имена вновь замелькают в официальных документах, Новая Империя предпримет попытку отмыть чёрного кобеля. Будет отброшено многое. Например, две зловещие руны SS в названии. Принятые в СС знаменитые обер-, штурмбанн- и прочие «фюреры». Их заменили обычные армейские звания.

Я выучил это и ещё многое другое наизусть. Империя, Кайзеррейх, пока ещё не успела особенно основательно почистить частные книжные собрания. А мой отец, дед и прадед – все собирали исторические труды. Во всех доступных им формах.

Я выучил это потому, что в дивизии, созданной изначально из лагерных вертухаев, нам, само собой, будут талдычить совсем другое.

И всё-таки я иду туда...

Так надо. На этих «мёртвых головах», «лейбштандартах», «викингах», «дас райхах» и прочей нечисти стоит Империя, которой я отныне служу. А Далька... что ж Далька. Каждый выбирает, всякий день, всякий миг. Она тоже выбрала.

Её интербригады – это, конечно, романтично и здорово, и красная лента вокруг головы очень шла Дальке, но я не сомневался – стоит интербригадовцам учинить что-нибудь этакое, их повяжут сразу и не посмотрят, что организация «Памяти интернациональных бригад» легальна, разрешена, действует с ведома властей как планеты, так и имперской администрации, выпускает две газеты – по старой традиции бумажную, мемориальную, и основную, сетевую.

Да, многими интербригадами – как, например, Далькиной Шестой – руководили люди, которых трудно было заподозрить в симпатиях к Империи. Взять ту же Дариану Дарк. Родом со всё ещё «независимой» планеты, где обосновались «новые пуритане». В своё время повоевала с имперцами на Каледонии, принимала участие в Босвортском и Жлобинском мятежах, но потом «отошла от активного вооружённого противодействия», подписала «личный мир» с Империей и занялась «моральной борьбой». В частности, возглавляла эту самую Шестую интербригаду, штаб-квартира – на Иволге, главной планете нашего Восьмого сектора.

Далька долго пыталась зазвать меня на их сходки. Я под всякими благовидными предлогами уклонялся, пока Далька не начала злиться. Но мне там показываться было никак нельзя. С такой анкетой не то что в десант, в стройбат имперский не попадёшь.

Двигатели я запускал с некоей опаской. Если разгневанная Далька успела походя шину пропороть, так могла и булыжник в турбозаборник метнуть.

Тем не менее всё прошло благополучно. Я поднял машину в воздух, сделал прощальный круг над островком, над лагуной, над резвящейся и выпускающей разноцветные светящиеся фонтаны китовой вольницей и взял курс на Новый Севастополь.

* * *

В город я прилетел, когда уже совсем стемнело. Вода в Северной бухте мягко светилась голубоватым, верный признак, что в гавань опять зашёл косяк радужной морской форели. С земным прародителем у неё общим осталось разве что только название. Мигали огоньки на мачтах, алые, золотистые, изумрудные, плясали ослепительные миражи над весёлым кварталом, солидно и ровно горели вывески больших универсальных магазинов. Чуть восточнее, в районе батареи номер тридцать, которую имперцы отчего-то называли «форт Максим Горь-

кий» (и чего они в нём нашли? тоска смертная, я его читать даже под угрозой «пары» не мог), вовсю полыхал фейерверк – наверное, у кого-то свадьба или день рождения. Я подумал, что в своё время мечтал устроить такой вот фейерверк для Дальки... и сцепил зубы. Ни к чему сейчас вспоминать всё это.

В вертолёте я переоделся. Замасленный комбинезон, старые сандалии – разгуливать в имперском камуфляже по ночному Севастополю небезопасно, несмотря на все усилия коменданта и патрулей.

Машины я посадил на общественной площадке. Отец держал для нас ангар, но сейчас я и помыслить не мог посмотреть в глаза техников. Дражен не то что руки не подаст, а точно попытается голову оторвать. Сергей, Зденек, Мирчо – туда же. Лучше там даже и не возникать.

Вертолёт застыл, накренившись. Придётся всю колёсную пару менять. Барабан я точно изуродовал.

Пожилой механик с тремя золотыми шевронами – тридцать лет беспорочной службы – угрюмо принял от меня ключи, дал расписаться в ведомости. На меня он почему-то старался не смотреть. Неужели тоже знает?..

Торопливо расплатившись, я поспешил убраться восвояси.

У меня оставалась одна ночь. Последняя ночь свободы. Можно было направиться в весёлый квартал, отвести душу в виртуалке, или же, махнув рукой на порядочность, по обычаю всех уходящих на войну (а какая-нибудь война у нас всегда сыщется) забыться в оплаченных женских объятиях.

Размышляя так, я добрёл до стоянки такси. Бежевых машин с шашечками – в силу давней-предавней традиции – было мало, народ на Новом Крыму в большинстве своём добропорядочный и основательный, спешки с суетой не любящий и вовсе не расположенный куда-то там тащиться на ночь глядя. Чтобы дела делать, как известно, день есть.

– Куда поедет, приятель? – окликнул меня шофёр.

Я помотал головой и ускорил шаги. Мне некуда ехать в этом городе. Ни в пивные, ни в бары, ни в бордели, ни в виртуалку. И потому я сейчас, таща за собой тюк с имперской формой, быстро, не теряя ни минуты, скорым спортивным шагом двинусь на вербовочный пункт. Ни к чему эти последние часы свободы. Не «они» говорят мне, когда прийти. Я сам выбираю своё время.

...От аэроплощадок до сборного пункта было почти три часа ходьбы, но я даже не заметил расстояния. Признаться, я тогда вообще мало что замечал вокруг себя. Видел только лица. Мама, отец, дед, бабушка... Далька... братья, сестры... Я был старшим, неделимый майорат перешёл бы после отца ко мне – теперь им распоряжаться станет Георгий, второй по старшинству после меня. Наверное, это правильно. Брат всегда любил заниматься «делами», то есть хозяйством на морских плантациях и рыбозаводах. Нетто- и брутто-тонны для него звучали как музыка, а повышение на один процент выживаемости молодежи деликатесных донных ползунов приводило в прямо-таки оргиастический восторг. Так что отец, конечно, был прав. Семье так будет лучше. Намного лучше.

...Я вспоминал. Наверное, это неизбежно – вспоминать, когда твоя жизнь меняется резко и, пожалуй, необратимо.

Семья собралась вся – включая самых младших. Едва войдя, я столкнулся взглядами с младшей сестрёнкой, Танюшкой, чудным голубоглазым и блондинистым созданием одиннадцати лет от роду. Глаза смотрели недоумённо и испуганно. Она не понимала, что тут творится, почему её оторвали от игр с подружками и заставили сидеть на странном, внезапно случившемся семейном обеде, который не обещал ничего весёлого.

Отец сидел во главе стола. Раздражённо крутил в руках вилку, не глядя на меня. На другом конце застыла мама – словно статуэтка из слоновой кости. Со спины маму до сих пор

принимали за девушку – несмотря на то что у меня насчитывалось в общей сложности девять братьев и сестёр. Я был десятым или, точнее говоря, первым. Поскольку был старшим.

Георгий, второй брат. Всегда был правой рукой отца в «делах». Смотрит вниз, на меня глаза не поднимает.

Лена, третья сестра. Тоже правая рука, но на сей раз – мамина. Вечно возилась с малышками, и её никогда не требовалось ни заставлять, ни понукать – живых детишек она предпочитала куклам. Губы у неё подрагивают, вот-вот заплачет.

Света. Посверкивают старомодные круглые очки в архаичной металлической оправе. Пальцы судорожно мнут кружевные манжеты чёрного строгого платья – сестру явно выдернули с какого-то собрания.

Ларион. Ну, он ещё мальчишка. Хотя взгляд уже как у настоящего волчонка.

Остальные – мелкота. Александр, Людмила, Виктор и младшая Танюшка. Они ещё школьники.

Я вошёл последним. Полученная утром записка гласила, что семья собирается в пять, и я не опоздал – но, похоже, остальные успели раньше. Может, их и созывали пораньше?..

Никто не взглянул на меня. Даже отец.

Он заговорил, по-прежнему упорно не отрывая глаз от скатерти, словно надеялся разглядеть там невесть что.

– Я взял на себя труд проинформировать остальных о твоём решении.

Я попытался как можно более независимо пожать плечами.

– Может, с этим стоило бы подождать, отец?

Я хотел, чтобы мой голос звучал твёрдо и уверенно, но, увы, не получилось. С моим отцом, когда он в гневе, так запросто не поговоришь.

– Нет, – на сей раз отец поднял глаза. Глаза у него казались белыми от бешенства. – Нечего ждать и тянуть. Ты опозорил всю семью. Всех нас. Говорю это не для тебя – тебе уже ничего не поможет и тебя ничем не исправишь. Говорю для остальных, надеясь, что смогу прибавить им хоть немного ума и понимания.

– Что это за спектакль, отец? – Я слегка возвысил голос. – Даже если тебе не нравится моё решение...

– Твоё решение?! – взревел он. – Предательство – это твоё решение?! Идти на службу к этим... этим... – отец потряс кулаком, не находя, наверное, слов.

– Мы граждане Империи, отец. Новый Крым подписал договор. Ты забыл, что там и твоя подпись?..

– Неужели ты думаешь, что мы хоть на минуту смиримся?! Если бы мы тогда его не подписали, на месте Севастополя осталась бы радиоактивная пустыня. И ни тебя, ни твоих братьев и сестёр – никого не осталось бы в живых!

Я не нашёл ничего лучшего, как пожать плечами. Поймал краем глаза взгляд Танюшки – голубые глаза стали похожи на озёра от застывших в них слёз.

Мама сидела, по-прежнему не шевелясь. И молча смотрела перед собой на сверкающе-пустую тарелку. Сегодня в ход пошёл «торжественный» сервиз, который у нас доставали только в особенных случаях: дни рождения, Рождество и так далее...

Сегодня, значит, тоже «особый случай».

Отец перевёл дыхание. Схватил графин с водой, налил в хрустальный бокал, шумно выпил. Впечатал бокал в стол, вновь поднял на меня глаза, и я вновь не выдержал его взгляда.

– Мы решили, – на скулах отца заиграли желваки. В свои сорок пять (я появился у них рано, когда маме было всего восемнадцать, а отцу – на два года больше) он выглядел очень внушительно. Никогда не занимался накачиванием мускулов, а завяжет узлом любого культуру-каратиста.

– Мы решили, что тебе здесь больше места нет.

Мама вздрогнула, Света стащила с носа очки, яростно принявшись протирать и без того идеально чистые стёкла. Пальцы её дрожали.

Я вновь пожал плечами.

– Ты ничего не докажешь, отец...

– Тебе здесь больше места нет, – отчётливо повторил он. – И ты больше не первый наследник. Подпишешь добровольный отказ от наследства и передачу своей доли семейных акций Георгию.

– Не имеешь права!

– Очень даже имею. По закону о неделимости майората, – злорадно сообщил он мне.

– Юра... – страдальчески прошептала мама, обращаясь к отцу.

– Что «Юра»?! Он нас предал! Предал и продал! Пусть управляет Георгий. У него и способностей к этому куда больше.

– Я могу сказать? – вдруг зазвенел голос Лены. – Или тут говорят только трое?

Отец метнул на мою сестру недовольный взгляд.

– Говори, да не заговаривайся.

– Почему никто не даст сказать Русу? Наверное, у него были причины! – и умоляющий взгляд на меня. Ну не молчи, ну скажи же, что всё это не так, что всё это ошибка!..

Нет, дорогая сестричка. К сожалению, это не ошибка.

Я поступаю в имперскую армию. И тогда мне действительно нет места среди вас. Отец принадлежал к узкому кругу самых богатых рыбопромышленников Нового Крыма, казалось бы, ему и им подобным как хлеб и воздух нужен был мир с Империей, хорошие отношения с военными, рынки сбыта и прочее, прочее, прочее. Однако... в недалёком прошлом мой почтенный отец возглавлял боевое крыло Армии Русского Сопротивления. До самого подписания мирного договора с Империей, согласно которому Новый Крым «добровольно» входил в её состав, а все жители планеты спустя не столь уж длинный «испытательный срок» получали права гражданства. Ну а планета, само собой, – представительство в Рейхстаге, верхней палате (два депутата) и места в Бундестаге (пропорционально народонаселению, но, само собой, не меньше чем одно).

Так было. Шла война. Настоящая партизанская война. Но потом неожиданно среди самых что ни на есть радикалов, «непримиримых», возникло движение «умеренных», ратующих за достижение почётно мира с Империей. И, что самое удивительное, им удалось добиться своего. Партизанская война прекратилась, имперцы и Новый Крым подписали договор, нам было даровано гражданство...

Всего этого добилась узкая группа людей, которых по-прежнему называли «умеренными». И возглавлял их мой достойный батюшка. Бывший глава «непримиримых». Ему тогда было немногим меньше, чем мне сейчас. И я уже был на свете.

Но к творившемуся со мной это никакого отношения не имело.

– Что ж, отец, – я как можно более независимо пожал плечами. – Ты совершаешь ошибку, но... Я докажу тебе, что я лучший сын, чем ты – отец. Давай бумаги. Я всё подпишу.

– Не здесь, – прошипел он, тяжело и исподлобья глядя на меня. – Не здесь. В Деловой Палате. Завтра. В присутствии положенных законом свидетелей. Чтобы всё как полагается зарегистрировать. Так что обратной дороги тебе не будет. Майорат отныне и навсегда закрепляется за Георгием и его потомками. Он хороший сын и настоящий русский человек. Не то что... – отец скривился.

Я видел, как Георгий вздрогнул и ещё сильнее вжал голову в плечи. Да, он прирождённый коммерсант, настоящий знаток всего морехозяйства, окончил, как и я, биологический факультет нашего университета, а сейчас вдобавок получает степень в Деловом Администрировании. Но мы с ним всегда были в прекрасных отношениях. Он младше меня всего на год, в детстве, всем на удивление, мы никогда не ссорились, всегда играли вместе и всё делили пополам –

кроме девушек. Тут наши вкусы решительно разошлись. Я любил длинноногих блондинок, Георгий – пышных брюнеток...

– Иди, – сказал отец. – Иди... только крест фамильный сними.

– Папа! – не выдержали разом и Света и Лена.

– Молчать! – гаркнул на них отец. – Ничего не понимаете, сороки! Какой он после этого православный!

– Сестрички... не злите его, – я медленно расстёгивал ворот. – Пусть будет, как он хочет. Всё равно я от нашей веры не отступался, и Господь Вседержитель в том свидетель. А какой крест носить... право слово, неважно.

Я положил золотой крестик на край стола. Больше мне здесь делать нечего. Те немногие вещи, которые я хотел бы сохранить, уже спрятаны в надёжном месте. Об остальном я не беспокоился. Книжки разве что... но их, в конце концов, можно и новые купить.

– Прощайте, – сказал я, повернулся и пошёл к дверям.

Только тут Танюшка позволила себе зарыдать в полный голос.

* * *

Вербовочный пункт располагался, естественно, в самом центре Нового Севастополя. Прямо через площадь от Городской Думы и канцелярии городского головы. Раньше там стояла старая больница, самая первая из всех, построенных на Новом Крыму. Имперцы больницу взорвали, отгрохали вместо неё за городом громадный госпитальный комплекс, а на площади появился «Штаб гарнизона Вооружённых Сил Империи, планета Новый Крым». На фронте раскинул крылья хищный одноглавый орёл, сидящий на римском лавровом венке, внутри которого вставало солнце. Само здание имперцы отстроили из монументального красноватого гранита, на отполированных поверхностях сверкали блики покачивающихся на ветру оранжевых фонарей. Вперёд выпирали мощные контрфорсы, узкие окна, словно бойницы, подозрительно косились на окружающие дома, далеко не столь же ухоженные, чистые и отполированные.

Напротив, через площадь, наискось от кафедрального собора Святого благоверного князя Александра Невского стояло здание городских Думы и Управы. С двуглавым орлом на фронте и бело-сине-красным триколором. На груди орла – щит со вставшим на дыбы медведем. А на крыльях – гербы поменьше: Георгий Победоносец со змеем, «Пагоня» Руси Белой и трезубец-сокол Рюриковичей – от Руси Малой.

Я привычно перекрестился на кресты собора и поскорее отвёл взгляд.

Как же мало у нас осталось. Страшно подумать. От великой некогда нации и Империи – Российской, само собой, – протянувшейся одно время от Одера до Юкона, от Новой Земли до туркестанских гор, – только и уберегли после всех потрясений и бурь – эту одну-единственную планетку. Есть, конечно, ещё пара – Славутич и Вольный Дон, но там человеку лучше даже и вообще не жить. Ни растительности, ни воды. Одни рудники. И народу там раз в сто меньше, чем у нас.

Конечно, можно сказать, планета ведь всяко больше, чем одна шестая часть суши, но дело-то в том, что сейчас одна планета, даже такая «курортная», как Новый Крым, – это всё равно как одна оставшаяся от России губерния, к примеру Таврида...

Всё, всё растеряли. И остановились на самом последнем рубеже, за которым только пропасть, и неважно уже, как погибать – от вражеской пули или сорвавшись в бездну.

Остановились. И какое-то время даже стояли, не гнулись, не кланялись пулям. Были свободны. Были сами по себе. Были – до тех пор, пока из пепла Смуты не поднялась новая империя, гнусаво провозгласившая: *Gott mit uns*.¹

¹ *Gott mit uns* (нем.) – с нами Бог. Надпись на бляхах армейских ремней фашистского вермахта.

И наш последний рубеж пал.

Конечно, кое-кто сражается до сих пор. Десятка два отдалённых и бедных планет, где обосновались либо особо фанатичные секты, либо столь безумные националисты, что даже имперцы сочли за лучшее пока бороться с ними маркой, а не пулей, вводя экономические санкции и отгораживаясь торговыми барьерами и таможенными пошлинами. Не так давно одна из «неприсоединившихся» запросила пощады и внесла в имперский сенат прошение о принятии её в состав.

Само собой, была немедленно принята.

Остальные пока держались.

...Я вспоминал.

Хороший момент для воспоминаний.

Словно это было вчера. Мне тринадцать лет, и нам прислали высочайше одобренные учебники. В том числе и по истории. Империя с некоторых пор была очень озабочена унификацией «воспитательного процесса», всё, разумеется, во имя «уменьшения центробежных тенденций». Нам тоже прислали. Целый транспорт школьных учебников. Единая программа. Единые «идеологические ориентиры». Единое воспитание. Единая человеческая раса. Единая Империя, которая, само собой, юбер аллес!

Я до сих пор помню брезгливую усмешку нашей учительницы истории, Нины Степановны. Мы не слишком почтительно звали её за глаза Степанидой, а она обижалась. В школе, где она работала до того, как перейти в нашу сто восемьдесят пятую, её ласково именовали Ниночкой. Она держала красивую, блестящую множеством красок и лакированной обложкой книгу словно какое-то мерзкое насекомое, к примеру помоечного таракана. Или, скажем, дохлую крысу. Тоже, соответственно, помоечную.

Она молча стояла перед нашим классом, и никто, даже неугомонный Пашка Константинов, не рискнул не то что зашептать с соседом, но и даже вздохнуть.

– Ребята, – негромко сказала Нина Степановна, не отрывая взгляда от книги. – Мы с вами ещё не изучали всерьёз Отечественную войну. Мы должны были заняться этим только через два года, в девятом классе. Но я вижу, что начинать придётся прямо сейчас. То, что сказано в этой книге, – неправда. Большая ложь. Книгу написали наши враги. Они хотят, чтобы вы выросли... послушными. А мы, русские, послушными никогда не были. Тут много лжи, в этой книге. Много искусно спрятано. Много вам будет не найти самим. К сожалению, стандартные тесты вам придётся сдавать именно по этим учебникам. Так что зубрить всё равно придётся. Но это даже хорошо. Мы начнём изучать новый предмет. Историю правды. Поднимите, пожалуйста, руки те, у кого в семье остались... реликвии. Письма с фронта... старые книги... фотографии...

Медленно поднялась одна рука. Сашка Фёдоров. Другая, Колька Андреев. Алка Вещпер, моя соседка по парте. Ирка Андреева, самая красивая девчонка класса. Ещё, ещё, ещё... Аккуратенькая белокурая умница Маша Смирнова. И другая Смирнова – только Наташа, Аня Кноринг, Лена Будрина, Юля Пинус, Нина Здуновская, Герка Сокуренок, Паша Смирнов, Гена Хролов, Володя Баяндин...

Руки подняли почти все. Почти в каждой семье остались тщательно берегаемые Письма. Да, именно так, с большой буквы. Не письма – а Письма. Письмами с маленькой буквы были все остальные. Но не эти, запаянные в прозрачный пластик. «Хранить вечно». Всё-таки много успели сделать тогда, в *последние дни*...

– Так вот, – продолжала Нина Степановна. – Вот что написано в этом, с позволения сказать, учебнике, – она обвела нас всех взглядом, а потом вдруг резко перебила себя: – Но, надеюсь, вы понимаете, что говорить, если сюда нагрянет инспекция... – и заговорщически нам подмигнула.

Она не боялась никого и ничего, наша Нина Степановна. За что потом и поплатилась. Она окажется до конца связанной с «непримиримыми», с теми, кто даже после подписания договора с Империей пытался подрывать радиоуправляемыми фугасами мышиного цвета бронетранспортёры с чёрно-белыми крестами. Она была их связной. И хранила дома оружие. И взрывчатку. Один из последних приговоров по делу «о вооружённом сопротивлении» был вынесен именно ей. Она получила двадцать лет каторги на Сваарге. За весь процесс она не произнесла ни единого слова. Не ответила ни на один вопрос. Отказалась от предложения написать кайзеру прошение о помиловании. Хотя все понаехавшие имперцы в один голос утверждали, что его величество очень озабочен и ждёт только формального повода, чтобы помиловать пожилую учительницу, чья отправка на каторгу будет крайне негативно воспринята общественным мнением метрополии, не говоря уж о «нововоссоединившихся планетах».

Она не попросила. И отправилась на каторгу. Гордая, прямая. Несломленная. Зная, что обратно уже не вернётся...

Но до этого было ещё далеко. А тогда она читала нам из присланного учебника...

«Никогда ни Германский Рейх, ни германская нация не были врагами других наций. Германская армия воевала с бесчестными политиками, ввергшими свои народы в ужасную войну. И чтобы как можно скорее покончить со страданиями людей по обе стороны фронта, офицерами Генерального Штаба была создана теория „молниеносной войны“. Она позволяла быстро окружить армии противника, принудить их к сдаче без большого кровопролития. Рассмотрим для примера операцию германской армии на Балканском полуострове...»

«Никогда германский народ не испытывал никаких отрицательных чувств к великому русскому народу, который не раз оказывался союзником германского народа, как, например, во время Освободительной Войны 1813–1815 годов или во время Франко-Прусской войны 1870 года... И во время Второй мировой войны германская нация не сражалась с русским народом. Война велась против коммунистического режима Советского Союза, режима, причинившего неисчислимы бедствия своим собственным гражданам, ограбившего рабочих, отобравшего землю у крестьян и уничтожившего всех образованных людей, несогласных с его политикой...»

И так далее и тому подобное. Ложь, сплетённая с правдой, – самый страшный вид лжи...

Но мы знали правду. Знали, кто дошёл до Берлина. И что война прекратилась отнюдь не в результате «секретных пятисторонних переговоров полномочных представителей в Берне, завершившихся подписанием мирного договора в Потсдаме, предопределившим грядущее воссоединение великой Германии». Мы помним наше знамя цвета крови над серыми куполами поверженной вражьей столицы.

Мы помним, пока мы живы. Или, вернее, можно сказать – мы, русские, будем жить, куда помним всё это.

* * *

...Вокруг имперского штаба день и ночь вышагивали патрули – просто так, для порядка. Вздохнув, я двинул напрямик ко входу – двери в два человеческих роста, резной дуб, начищенная бронза; хоть сейчас в музей.

Как известно, Империя там, где её армия. Следовательно, там, где на ветру трепещет имперский штандарт с угрюмым орлом, непременно должна стоять лагерем и пехота означенной империи. Старая как мир истина.

У нас на Новом Крыму народу не так уж много, и у нас оставили не корпус, не дивизию и даже не полк. Всего-навсего отдельный десантно-штурмовой ударный батальон «Танненберг» из состава той самой Третьей Десантной дивизии «Мёртвая голова», в которой, собственно говоря, мне и предстоит служить.

И, кстати говоря, помимо всего прочего, солдаты и офицеры батальона «Танненберг» слыли большими специалистами по контрпартизанской борьбе.

Одно утешение – батальон «Танненберг» был именно «батальон», то есть *Battalion*, а не *Abteilung*.²

А ещё, само собой, у нас открыли вербовочный пункт. Тоже старая как сама идея империй истина – новых солдат следует искать в том числе и там, где теряешь старых.

Вербовщики по первости устроились отдельно от штаба, в уютном особнячке. Особнячок этот вначале регулярно забрасывали презервативами с краской – здоровенный штурмовик в бронежилете и с «манлихером» поперёк широченной груди только ухмылялся, ловко уворачиваясь от летящих в него разноцветных снарядов. Выкрики толпы, похоже, нимало его не трогали.

Потом нашим надоело кидаться. У всех мало-помалу нашлись другие дела – Империи тоже требовалось пить-есть, желательно повкуснее, и цены на нашу рыбу, крабов, осьминогов, кальмаров и ползунов медленно, но верно поползли вверх. Империя платила исправно.

А вербовочный пункт продолжал тихо-смирно себе существовать, никому, собственно говоря, не мешая. Империя не вводила всеобщей воинской повинности, ей – удивительное дело – якобы хватало добровольцев. Разумеется, с других планет.

Потом имперцы выстроили этот штаб, куда переехали и вербовщики. А ещё потом настал день, когда к этим дубовым с бронзой дверям подошёл и я.

В тот день...

...Внутренние стеклянные створки разъехались, пропуская меня за КПП. Давным-давно уже не стоит здесь на посту штурмовик. Пост упразднили за ненадобностью. Никто больше ничего не швырял в окна. Всем надоело. Любая забава приедается...

Имперцы ввели круглосуточные патрули. Правда, патрули эти, насколько я мог понять, в основном занимались проверкой увольнительных у имперских солдат, чем как-то следили за нами, новокрымчанами.

Внутри было пусто и прохладно. Как и положено, красовался на стене Орел-с-Венком-и-Солнцем; а между окон, над чистыми столами – нет, никаких кричащих плакатов, никаких «взвейтесь!» да «развейтесь!» – только голографии: военная техника, танки, корабли, штурмовики, бомбардировщики. Не на параде, отнюдь. В бою. Некоторые так и вовсе даже подбитые.

...Танки, завалившиеся в кюветы, расплескавшие вокруг себя землю штурмовики... правда, их неизбежно окружала (и в гораздо большем числе) сожжённая техника врага.

Один снимок так и назывался: «Погибаю, но не сдаюсь!» Подпись, словно нарочно, сделана была на русском, а не на общеимперском, в основе которого, как известно, лежали английский и немецкий языки.

Тяжёлый «PzKw-VII» застыл, высоко задрал хобот пушки. В броневых плитах я насчитал двенадцать сквозных пробоин, машину расстреливали чуть ли не в упор, когда не осталось даже и следа от силового щита и активной брони. Гусеницы исчезли, сметённые взрывами, опорные катки сорвало с осей и разбросало по сторонам, борта покрыты жирной копотью. Несмотря на это, «панцеркампфваген» так и не взорвался. А вокруг него, чуть впереди и дальше, застыло никак не меньше двух десятков чужих машин – разорванных чуть ли не напополам прямыми попаданиями шестидюймовых оперённых снарядов и ракет «королевского тигра».

Снимок был хорош. Даже в гибели «тигр» казался величественным и грозным. И невольно думалось – что уж если погибать, то именно так, за рычагами боевой машины, когда вокруг догорают остатки чужих.

² *Abteilung* (нем.) – батальон, имеющий в составе менее пяти рот. *Battalion* – батальон пятиротного состава.

Вербовщики поворачивали дело так, словно они даже и не лгут. Да, у нас погибают. Но смотрите все, как у нас погибают!.. Достойный мужчины, война финал. Ты сделал всё, что мог. Кто сможет – пусть сделает больше.

...И, наверное, такая смерть – лучше, чем от Альцгеймера.

Кое-где под голографиями попадались набранные мелким шрифтом пояснения. Под привлёкшим моё внимание «королевским тигром», например, – «Танк 503-го отдельного танкового батальона, героически погибший при ликвидации Жлобинского инцидента». Или вот здесь, ниже: «Штурмовики „Хе-129-бис“ уходят на подавление огневых точек противника. Ликвидация последствий Утрехтского инцидента».

Они называли их «инцидентами». Не восстаниями, не мятежами. Инцидентами или же просто «событиями». «Трагические Босвортские события лишь усилили сплочённость граждан нашей Великой Империи вокруг Его Императорского Величества кайзера...»

За большим серым столом, под портретом Его Императорского Величества кайзера Вильгельма III сидела девушка в форме – блондинка, «блицметал», чёрный парадный мундир с серебряным аксельбантом, широкие серебристые же погоны, на них две четырёхугольные «розетки» – девушка пребывала в чине обер-лейтенанта. Между прочим, сей младший офицерский чин десантных войск приравнивался к гауптманну или риттмейстеру обычной пехоты или даже танкистов, так что...

На левой стороне мундира девушки тянулся двойной ряд орденских колодок. Как говорится, весь набор. «За пролитие крови» и «За отвагу», «Мужество и честь» третьей степени, так, так... а вот это уже интереснее.

«За взятие Утрехта» – значит, наша «блицметал» была там, подавляла самый крупный за всё время существования Империи военный мятеж, относительно хорошо, со шведской основательностью, организованный и подготовленный.

Говорят, на месте Утрехта не осталось даже руин. Говорят также, что «Танненберг» не взял тогда ни одного пленного. А что случилось с тамошними – нет, даже не с мятежниками, а со всеми остальными, кто прятался по подвалам, в ужасе ожидая, чем же всё это закончится, – до сих пор в точности никто не знает.

Слышал я, что их продали в рабство Чужим.

Только тут я поймал себя на мысли, что во всех деталях рассмотрел регалии *dame*³ обер-лейтенанта, погоны, нашивки и прочее – но мне и в голову не пришло взглянуть ей в глаза. Прикинуть хотя бы, хорошенькая или нет. Чёрт возьми, мне даже было всё равно, какие у неё ноги!.. Словно вовсе и не женщина передо мной оказалась, а так, манекен из витрины ателье военного платья «Венок и Солнце».

– Чем могу служить, гражданин? – услышал я сдержанно-холодный голос.

Гражданин. Ну да, Новый Крым уже лет десять как заслужил право на имперское гражданство. Потому что уже давным-давно у нас не было никаких беспорядков. Да, имели порой место несчастные случаи с патрулями... но это ж, как говорится, единичные примеры, исключения, подтверждающие правило. И далеко, далеко не все планеты в ближайших и дальних окрестностях пользовались этой привилегией. На Бете Ворона до сих пор осадное положение, на Сигме Колесницы только-только режим смягчили до «частичного поражения в правах». Оттуда тоже возьмут в армию... но, говорят, такие ребята долго не живут. Попадают почему-то в самые «горячие» места. Зато уж те, кто себя показал, – они да, они карьере сделают.

– Желая... э-э-э... добровольно выражаю желание вступить... э... в ряды доблестных имперских вооружённых сил, – стараясь, чтобы это прозвучало не слишком по-идиотски, сказал я.

³ *Dame* (имперск.) – госпожа.

Глаза госпожи обер-лейтенанта я разглядел только сейчас. Красивые глаза. Большие глаза, серые, правда, чуть холодноватые. Больше, чем у Дальки.

Госпожа обер-лейтенант чуть склонила голову набок, молча и с удивлением меня рассматривая. С брезгливым таким изумлением, словно я произнёс в её дамском присутствии совершенно непозволительные слова. Не знаю, что уж она там себе подумала, – но из-за стола она соизволила встать, подошла ко мне вплотную, пристально взглянула на меня снизу вверх. Очень так хорошо снизу вверх, но притом я ни секунды не сомневался, что меня, если надо, в момент завяжут тройным морским скользящим узлом, причём я даже пикнуть не успею.

Не самая приятная уверенность, можете мне поверить.

– А почему бы тебе не пойти и просто не утопиться в вашем замечательном море, гражданин? – вдруг спокойно сказала она. – Ты сберёг бы имперской казне немало марок, гражданин.

Признаюсь честно, от таких её слов я, как бы это выразиться, обалдел. Не нашёлся даже, что сказать. Хлопал глазами, словно рыба-весталка, и молчал.

Госпожа обер-лейтенант обошла меня кругом, при этом лицо её выражало такое презрение, словно перед ней оказалась целая куча, пардон, китовых экскрементов, ну, песчано-мелководного кита, как все понимают. Земноводного то есть.

– Ходят тут всякие, – тоном заправской торговки с нашего Привоза сообщила мне госпожа обер-лейтенант. Точнее, не мне, а раскорячившему крылья на стене Орлу-с-Венком-и-Солнцем. – Ни мозгов, ни характера, ни, на худой конец, просто мускулатуры! А имперский паёк все хотят. И что у меня за работа – с такими исключительными ослиами дело иметь?..

Наверное, после этих слов ожидалось, что от стыда мои бедные уши покраснеют, почернеют, засохнут, свернутся в трубочки, отвалятся и улетят по ветру, а сам я елико возможно быстро очищу помещение, закрыв за собой дверь с той стороны.

Однако я помещение не очищал. Глазами хлопал, что правда, то правда, краснел – тоже верно, но всё-таки не уходил.

Обер-лейтенант выждала, наверное, целых две или три минуты. Потом раздражённо, с грохотом выдернула ящик, с отвращением швырнула на стол красную, белую и жёлтую формы.

– Заполняй, – процедила она сквозь зубы. – Заполняй, а я стану рассказывать, что тебя ждёт, гражданин. Как-никак, мне за это Империя деньги платит.

Я принялся за дело, а госпожа обер-лейтенант в это время мерила комнату шагами, методичным неживым голосом повествуя об ужасах, что ждут меня, окажись я настолько глуп, что таки решусь пойти на службу Его Императорского Величества. Можно было подумать, что бедняжке приходится повторять это по двадцать раз на дню, хотя я точно знал, что за все годы с Нового Крыма завербовалось всего пять человек.

Я становился шестым.

Впору вешать голографическое фото на доску почётных граждан.

* * *

Тренировочный лагерь «Танненберга» расположился на самом северном и самом большом из наших островов. Когда Новый Крым только заселялся, остров в шутку называли Сибирью, и нелепое имя приклеилось, да так, что и не отодрать. Мало кто вспоминал, что официально остров прозывался Островом Адмирала Нахимова, причём на имперских картах указывалось именно это название, а на наших, местных, изданных на Новом Крыму, поперёк всего зелёно-коричневого изогнувшегося дракона тянулось: «Сибирь».

Сибирь заселена была совсем слабо. Несколько крошечных городков, наверное, с тысячу фермерств. Единственная на Новом Крыму горная цепь, вытянувшаяся вдоль северного побережья. Немного леса, я имею в виду обычного леса, а не тропических джунглей, заполнявших, к примеру, место Нового Севастополя, когда пионеры только ступили на планету. «Таннен-

берг» держал одну роту в столице Нового Крыма, боевые, кадровые вторая, третья и четвёртая роты, разделённые на взводы и отделения, базировались по всей планете, во всех сколько-нибудь значимых пунктах. Плюс к тому пятая рота, учебная, как раз и стояла в сибирском тренировочном лагере. Там же, где помещались штаб, части усиления, инженерный взвод, взводы связи, разведки, рота тяжёлого оружия, медицинский взвод и тылы. Имперцы не делали секрета из своего расположения, каждый мальчишка знал, сколько их и где они.

Было в этой открытости что-то сугубо неправильное. Не так должны вести себя завоеватели на покорённой планете. Другое дело, что планете, похоже, не так уж и хотелось освободиться.

Меня могли облить презрением за намерение поступить на имперскую службу, но самим застрелить, к примеру, патрульного – это, само собой, было выше «их» сил.

Из Нового Севастополя я летел обычным рейсом «Столичных Авиалиний». Вербовщики просто забронировали мне место на лайнере, и восемь часов спустя я уже стоял на бетоне Владисибирска, городка, служившего административным центром острова. Оттуда меня увозили уже на армейском вертолёте. Я был единственным рекрутом на борту. Напротив сидел мрачнейшего вида верзила с погонями штабс-вахмистра – чёрное поле, серебряная окантовка, три серебряные же четырёхугольные «розетки». В имперской армии это – очень много, почти что офицерский чин.⁴

Верзилу звали Клаус-Мария Пфферцегентакль, и ему предстояло сформировать пятый учебный взвод пятой – учебной же – роты «Танненберга». Остальных рекрутов должен был доставить «Маргроу», старый штурм-транспорт, ныне таскавший пушечное мясо Империи с планеты на планету.

Откуда я об этом узнал? К моему полному удивлению, господин штабс-вахмистр Пфферц... выложил мне всё это, едва вертолёт оторвался от земли, тем же мрачным, лишённым выражения голосом, которым он зачитывал мне правила безопасности полётов.

Рекруты пошли полное барахло, гудел он, глядя куда-то поверх моей головы. Никуда не годятся, даже на мишени. Дохнут как мухи. С ними ничего даже не успеваешь сделать. Их даже нет смысла наказывать – вешаются, топятя, бросаются на колючую проволоку, которая, само собой, под током. А потом ему, честному вахмистру Пфферц... приходится соскребать с асфальта их дерьмовые кишки и прочую требуху, потому что все остальные рекруты тут же зеленеют, блюют и отделениями падают в обморок, словно монахи при виде голого мужчины. И никакими силами, ни стеком, ни плетью, ни даже пожарным гидрантом их невозможно привести в чувство.

⁴ Имперская «табель о рангах»: 1 – гренадёр (десантник, канонир, сапёр, санитар и пр.), 2 – обер-гренадёр, 3 – ефрейтор, 4 – обер-ефрейтор, 5 – штабс-ефрейтор, 6 – унтер-офицер, 7 – унтер-фельдфебель (унтер-вахмистр в десанте), 8 – фельдфебель (вахмистр), 9 – обер-фельдфебель (обер-вахмистр), 10 – штабс-фельдфебель (штабс-вахмистр) – высший из неофицерских чинов. Далее уже идёт «белая кость»: 11 – юнкер (кандидат на офицерский чин), 12 – лейтенант, 13 – обер-лейтенант, 14 – гауптманн (риттмейстер в частях разведки и спецназначения), 15 – майор, 16 – оберст-лейтенант, 17 – оберст (высший из старшего офицерского состава). Дальше следует генералитет: 18 – генерал-майор, 19 – генерал-лейтенант, 20 – генерал, 21 – генерал-оберст, 22 – верхушка послужного списка: генерал-фельдмаршал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.